

ТОРНТОН УАЙЛДЕР

*МАРТОВСКИЕ ИДЫ
МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
У12

Серия «Эксклюзивная классика»
Thornton Wilder

THE IDES OF MARCH THE BRIDGE OF SAN LUIS REY

Если вы хотите узнать больше о Торнтоне Уайлдере,
его жизни и творчестве, пожалуйста, посетите сайт:
www.thorntonwildersociety.org

*Перевод с английского Е. Гольшевой («Мартовские иды»),
В. Гольшева («Мост короля Людовика Святого»)
Послесловие З. Панфиль
Серийное оформление Е. Фerez*

Печатается с разрешения The Wilder Family LLC
и литературного агентства The Barbara Hogenston Agency, Inc.

Уайлдер, Торнтон

У12 Мартовские иды. Мост короля Людовика Святого : [сборник; пер. с англ.] / Торнтон Уайлдер. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 413, [3] с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-080108-4

Два маленьких шедевра Торнтон Уайлдера, два классических произведения американской прозы XX века!

«Мартовские иды» — лучшее из произведений Уайлдера. Перед нами предстают Цезарь и Клеопатра, Катулл и его возлюбленная Клодия Пульхра и другие участники событий, предшествовавших трагической гибели Цезаря. Но прежде всего это роман о двух движущих силах человеческой жизни — страсти и Роке. Ведь страсть — всегда одержимость, а одержимость — орудие Рока...

«Мост короля Людовика Святого» переносит читателя в Латинскую Америку начала XVIII века, где философ-монах брат Юнипер расследует обстоятельства катастрофы, унесшей жизни пяти очень разных людей — авантюриста, легендарной актрисы, писательницы-герцогини, ее юной служанки и молодого человека из низов общества.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Wilder Family LLC, 1927, 1948
© Перевод. В. Гольшев, 2014
© Перевод. Е. Гольшева, наследники, 2014
© Послесловие. З. Панфиль, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

МАРТОВСКИЕ ИДЫ

*Это произведение посвящается двум друзьям.
Лауро де Бозису — римскому поэту, который
погиб, оказывая сопротивление безраздельной
власти Муссолини: его самолет, преследуемый
самолетами дуче, упал в Тирренское море, и Эду-
арду Шелдону, который, несмотря на свою сле-
поту и полную неподвижность в течение двад-
цати лет, дарил множеству людей мудрость,
мужество и веселье.*

Das Schaudern ist der Menschheit bestes Teil;
Wie auch die Welt ihm das Gefühl verteure...

Goethe. Faust*

Глосса:

«Когда человек с благоговейным трепетом
начинает ощущать, что в мире есть Непозна-
ваемое, в его познающем разуме пробуждают-
ся высшие силы, хотя чувство это часто обо-
рачивается суеверием, духовным рабством и
чрезмерной самоуверенностью».

* Дрожь — лучший человеческий удел;
Пусть свет все чувства человека губит —
Великое он чувствует и любит,
Когда святой им трепет овладел.

Гёте, «Фауст»

(Перевод Н. Холодковского)

Воссоздание подлинной истории не было перво-степенной задачей этого сочинения. Его можно назвать фантазией о некоторых событиях и персонажах последних дней Римской республики.

Главная вольность была допущена в переносе события, случившегося в 62 году до Р. Х., — осквернения Таинств Доброй Богини Клодией Пульхрой и ее братом, — на семнадцать лет вперед, то есть на празднование тех же Таинств 11 декабря 45 года.

К 45 году многие из моих персонажей давно уже были мертвы: Клодия убили наемные бандиты на проселочной дороге; Катулл, если верить свидетельству св. Иеронима, умер в возрасте тридцати лет; Катон Младший погиб за несколько месяцев до описываемых событий в Африке, восстав против абсолютной власти Цезаря; тетка Цезаря, вдова великого Мария, скончалась еще до 62 года. Более того, вторую жену Цезаря, Помпею, давно сменила третья жена, Кальпурния.

Кое-какие подробности этого рассказа, которые скорее всего могут показаться вымышленными, исторически верны: Клеопатра приехала в Рим в 46 году, и Цезарь отвел ей свою виллу по другую сторону реки; она жила там вплоть до его гибели, а потом бежала на родину. Возможность того, что Марк Юний Брут был сыном Цезаря, изучалась и была отвергнута почти всеми историками, вникавшими в личную жизнь

Цезаря. То, что Цезарь подарил Сервилиии жемчужину неслыханной ценности, — исторический факт. История с подметными письмами против Цезаря, которые передавались по цепочке, была подсказана автору событиями наших дней. Такие письма против фашистского режима распространял в Италии Лауро де Бозис — как говорят, по совету Бернарда Шоу.

Обращаю внимание читателя на порядок изложения материала.

В каждой из четырех книг документы следуют почти в хронологическом порядке. Книга первая охватывает сентябрь 45 года до Р. Х. Действие книги второй, содержащей исследование Цезарем природы любви, начинается раньше и захватывает весь сентябрь и октябрь. В книге третьей, где речь идет главным образом о религии, события начинаются еще раньше и длятся всю осень, заканчиваясь декабрьскими церемониями в честь Доброй Богини. Книга четвертая, где вновь приводятся самые разные соображения Цезаря, в частности о себе самом как о возможном орудии «судьбы», открывается наиболее ранним из приведенных здесь документов и завершается его убийством.

Все документы — плод авторского воображения, за исключением стихотворений Катулла и заключительного абзаца из «Жизнеописания двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла.

Источники, свидетельствующие о Цицероне, обильны, о Клеопатре — скудны, о Цезаре — богаты, но часто туманны и искажены политическими пристрастиями. Мною сделана попытка предположить, как протекали события, по-разному отраженные в дошедших до нас свидетельствах.

Торнтон Уайлдер

Книга первая

**I. Глава коллегии авгуров — Каю Юлию Цезарю,
верховному понтифику и диктатору римского народа
(Копии жрецу Юпитера Капитолийского и пр.,
госпоже верховной жрице коллегии девственных
весталок и пр.)
(1 сентября 45 года до Р. Х.)**

Высокопочтимому верховному понтифику.

Шестое донесение от сего числа.

Предсказание по жертвоприношениям в полдень.

Гусь: пятнистость сердца и печени; грыжа диафрагмы.

Второй гусь и петух: ничего примечательного.

Голубь: зловещие предзнаменования — почка смещена, печень увеличена и желтой окраски; в помете — розовый кварц. Приказано произвести более подробное исследование.

Второй голубь: ничего из ряда вон выходящего.

Наблюдались полеты орла — в трех милях к северу от горы Соракт на всем доступном обозрении пространстве над Тиволи. Птица проявляла какую-то неуверенность, приближаясь к городу.

Грома не было слышно со времени последнего сообщения двенадцать дней назад. Долгой жизни и здоровья верховному понтифику!

I-A. Записка Цезаря
(не подлежащая оглашению) —
его секретарю по религиозным делам

Пункт I. Сообщить главе коллегии, что нет нужды посылать мне от десяти до пятнадцати донесений в день. Достаточно составить сводный отчет о знамениях за истекшие сутки.

Пункт II. Выбрать из сводок за предыдущие четыре дня три явно благоприятных предзнаменования и три неблагоприятных. Мне они могут понадобиться сегодня в сенате.

Пункт III. Составить и раздать следующее оповещение: с учреждением нового календаря памятная дата основания Рима семнадцатого дня каждого месяца будет считаться гражданским праздником особой важности.

Присутствие верховного понтифика, если он в городе, на этой церемонии обязательно.

Ритуал будет выполняться со следующими добавлениями и поправками: в ритуале принимают участие двести солдат, которые отслужат молебствие Марсу, как принято на военных постах; хвала Рее воздается весталками. Верховная жрица коллегии лично отвечает за присутствие весталок, за высокое качество декламации и поведение участниц церемонии. Непристойные выражения, попавшие в ритуал, должны быть немедленно устранены; весталки не могут показываться присутствующим до заключительного шествия; запрещается прибегать к мик-

солидийскому ладу; завещание Ромула читать, обращаясь в сторону мест, закрепленных за аристократией; жрецы должны произносить текст слово в слово с верховным понтификом. Жрецы, допустившие малейшее упущение, после тридцатидневной переподготовки будут посланы служить в новые храмы Африки и Британии.

**I-Б. Дневник в письмах Цезаря —
Луцию Мамилию Туррину на остров Капри
(Об этом письме см. вступление
к документу III)**

968. *(О религиозных обрядах.)*

К своему еженедельному посланию я прилагаю полдюжины докладов из груды, которую я как верховный понтифик получаю от авгуров, предсказателей, толкователей небесных знамений и хранителей кур.

Прилагаю также изданное мной постановление о ежемесячном празднестве в память основания Рима.

Что поделаешь?

Я получил в наследство это бремя суеверий и предрассудков. Я правлю несчетным числом людей, но должен признать, что мной правят птицы и раскаты грома.

Это часто мешает государственным делам, на целые дни и недели закрывает двери сената и суда. Этим заняты тысячи людей. Всякий, имеющий к ним какое-либо отношение, включая и верховного понтифика, использует знамения в своих личных интересах.

Однажды в долине Рейна авгуры ставки командующего запретили мне вступить в битву с врагом. Дело

в том, что наши священные куры стали чересчур разборчивы в еде. Почтенные хохлатки скрещивали ноги при ходьбе, часто поглядывали на небо, озирались, и не зря. Я сам, вступив в долину, был обескуражен тем, что попал в гнездилище орлов. Нам, полководцам, положено взирать на небо куриными глазами. Я смирился с запретом, хотя мое умение захватить врага врасплох является одним из немногих моих талантов, но я боялся, что и наутро мне снова будут чинить препятствия. Однако в тот вечер мы с Азинием Поллионом пошли погулять в лес, собрали десяток гусениц, мелко изрубили их ножами и раскидали в священной кормушке. Наутро вся армия с трепетом дожидалась известия о воле богов. Вещих птиц вывели, чтобы дать им корм. Они сразу оглядели небо, издавая тревожное кудахтанье, которого достаточно, чтобы приковать к месту десять тысяч воинов, а потом обратили свои взоры на пищу. Клянусь Геркулесом, вылупив глаза и сладострастно кудахтая, они накинулись на корм — так мне было разрешено выиграть Кёльнскую битву.

Но главное, вера в знамения отнимает у людей духовную энергию. Она вселяет в наших римлян — от подметальщиков улиц до консулов — смутное чувство уверенности там, где уверенности быть не должно, и в то же время навязчивый страх, который не порождает поступков и не пробуждает изобретательности, а парализует волю. Она снимает с них непрременную обязанность мало-помалу самим создавать римское государство. Она приходит к нам, освященная обычаями предков, дыша безмятежностью детства, она поощряет бездеятельных и утешает бездарных.

Я могу справиться с другими врагами порядка: со стихийным мятежом и буйством какого-нибудь Клодия; с ворчливым недовольством Цицерона и Брута, порожденным завистью и питаемым хитроумными толкованиями древнегреческих текстов; с преступлениями и алчностью моих проконсулов и магистратов; но что мне делать с равнодушием, которое охотно рядится в тогу набожности и либо твердит, что гибели Рима не допустят недремлющие боги, либо смиряется с тем, что Рим погибнет по злокозненности богов?

Я не склонен к унынию, но часто ловлю себя на том, что эта мысль наводит на меня уныние.

Что делать?

Порою в полночь я пытаюсь вообразить, что будет, если я все это отменю; если как диктатор и верховный понтифик я запрещаю соблюдение счастливых и несчастных дней, гадание по внутренностям и полету птиц, молниям и грому; если я закрою все святилища, кроме храмов Юпитера Капитолийского?

И как быть с Юпитером?

Я еще буду об этом писать.

Собери свои мысли, чтобы меня направить.

На другой вечер.

(Письмо дописано по-гречески.)

Снова полночь, милый друг. Я сижу у окна и жалею, что оно выходит не на спящий город, а на Трастевринские сады богачей. Вокруг моей лампы пляшут мошки. Река едва отражает рассеянный свет звезд. На дальнем берегу пьяные горожане ссорятся в винной лавке, и время от времени ветер доносит мое имя. Жена уснула, а я пытался успокоить мысли чтением Лукреция.

С каждым днем я все больше ощущаю, к чему меня обязывает мое положение. Я все яснее и яснее сознаю, что оно позволяет мне совершить и к каким свершениям меня призывает.

Но что оно мне говорит? Чего от меня ждет? Я принес на землю мир, я распространил блага римского законодательства на бесчисленное число мужчин и женщин; несмотря на огромное сопротивление, я распространяю на них также и гражданские права. Я усовершенствовал календарь, и теперь счет наших дней подчинен практической системе движения солнца и луны. Я пытаюсь наладить дело так, чтобы люди во всех концах мира имели пищу. Мои законы и корабли обеспечат взаимобмен избытками урожая в соответствии с народными нуждами. В будущем месяце из уголовного кодекса будет изъята пытка.

Но этого мало. Все эти меры — лишь труд полководца и правителя. Тут я делаю для мира то же, что староста для своей деревни. Теперь надо совершить что-то иное, но что? По-моему, теперь и только теперь я готов начать. В песне, которая у всех на устах, меня зовут отцом.

Впервые за мою общественную жизнь я чувствую неуверенность. До сей поры все мои поступки подчинялись правилу, которое можно было бы назвать моим суеверием; я не экспериментирую. Я не начинаю дела для того, чтобы чему-то научиться на его результатах. Ни в искусстве войны, ни в политике я не делаю ни шага без точно намеченной цели. Если возникает препятствие, я тотчас же вырабатываю новый план, и его возможные последствия для меня ясны. В ту минуту, когда я увидел, что в

каждом своем начинании Помпей отчасти полагается на волю случая, я понял, что буду властелином мира.

Но в моих сегодняшних замыслах есть такие стороны, относительно которых я не уверен, что я прав. Для того чтобы их осуществить, мне надо ясно знать, каковы жизненные цели рядового человека и каковы его возможности.

Человек — что это такое? Что мы о нем знаем? Его боги, свобода, разум, любовь, судьба и смерть — что они означают? Помнишь, как еще мальчишками в Афинах и позднее, возле наших палаток в Галлии, мы без конца обо всем этом рассуждали? И вот я снова подросток и снова философствую. Как сказал этот опасный искуситель Платон: лучшие философы на свете — мальчишки, у которых только пробивается борода; я снова мальчишка.

Но погляди, что я покуда успел сделать в отношении государственной религии. Я укрепил ее, возобновив ежемесячные празднества в память основания Рима.

Сделал я это, быть может, затем, чтобы уяснить для себя: какие последние следы благочестия еще живут в моей душе. Мне также льстит, что я, как прежде моя мать, больше всех римлян сведущ в старых поверьях.

Признаюсь, когда я декламирую нескладные молитвы и делаю телодвижения в сложном ритуале, меня обуревают искреннее чувство, но чувство это не имеет ничего общего с потусторонним миром; я вспоминаю, как в девятнадцать лет, будучи жрецом Юпитера, я поднимался на Капитолий, а рядом шла моя Корнелия, неся под туникой еще не рожден-